

Мила Иванцова

*Родительный
надеж*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
И23

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Надежда Величко*
В оформлении обложки использовано фото
Марии Клименко

Художник *Анна Пушкарева*

- © Иванцова Л., 2010
- © Deposit photos / Alena Ozerova, обложка, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011

ISBN 978-966-14-1709-9 (PDF)

Предисловие

Мила Иванцова — «народный автор». Задолго до выхода первой книги на бумаге у нее уже были свои читатели и поклонники там, где есть доступ к Интернету. Ее задевающие за живое стихи и рассказы «вылавливали» редакторы журналов и альманахов из Америки, Израиля, Германии, Эстонии и даже из Новой Зеландии. Но все чаще звучал вопрос: «Где можно купить книги?» И она почувствовала себя нужной. От рассказов перешла к большим формам.

Ее роман «Родительный падеж» в 2009 году стал лауреатом Всеукраинского конкурса романов, киносценариев и пьес «Коронация слова» в номинации «Выбор издателей».

Новое имя стремительно вошло в украинскую литературу, роман нашел своих читателей, а перо автора — новых поклонников. В течение года «Родительный падеж» был представлен в рейтингах конкурсов «Книга года Биби-си» и «Лучшая книга года» журнала «Корреспондент» и получил много положительных отзывов как от рядовых читателей, так и от экспертов, литературных критиков.

Через год новый роман Милы Иванцовой «Витражи» опять был отмечен дипломом лауреата конкурса «Коронация слова — 2010» в номинации «Выбор издателей» и также привлек к себе внимание уважаемых литературных рейтингов и читателей, которые уже с нетерпением ждали нового произведения от Милы Иванцовой.

Книга, которую вы держите в руках, поражает достоверностью и откровенностью. Читая ее, хочется выкрикнуть: «Это правда!» И об условиях, в которых появлялись на свет

те, кому сегодня уже за двадцать, и о периоде «безвременья» с пустыми прилавками и другими трудностями, и о становлении характеров, которые формировались в последние пятнадцать лет, и о настоящей дружбе, которая возникала между женщинами в палатах родильных домов и длилась всю жизнь, и о том, как складывались судьбы этих женщин и их детей. Автор ненавязчиво ведет читателя за собой от восьмидесятых годов прошлого столетия в первое десятилетие нового века.

В этом роман Милы Иванцовой похож на «эпопею времени» — возможно, слишком пунктирную, слишком закодированную для тех, кто никогда не штопал единственные колготки, не знал, что такое «дефицит», не удирал от чернобильской радиации, не торговал на рынке, имея высшее образование... И поэтому взрослого читателя все эти подробности трогают, заставляют вспомнить, как это было, а молодому дают возможность с удивлением понять своих родителей и то время. А современные события романа, наоборот, раскрывают проблемы, насущные сейчас для детей, которые так быстро выросли. Автор словно открывает глаза поколениям во взгляде друг на друга.

Мила Иванцова не дает оценок, не навязывает собственного мнения, не судит героев и их поступки. Она просто рассказывает (или точнее — показывает) свои истории. А читатель, доверившись автору, ныряет в сюжет и переживает события вместе с персонажами. Одна читательница созналась: «После прочтения романа я продолжала думать о героях. Мне даже хотелось позвонить им и спросить, как у них там сложилось дальше».

Открою один секрет — роман подавался на конкурс под названием «Мир держится на...». А что уж автор хотела этим сказать — решать вам!

Ирен Роздобудько

Часть первая

Чистилище

В любой больнице первым противным мероприятием является заполнение персонального листка. Стараниями медперсонала он может перерасти либо в лаконичную историю болезни, либо в многотомник, которому не суждено быть изданным. Роддом не исключение. Оценив усугубляющееся состояние роженицы, опытная дежурная медсестра задает десятка полтора-два вопросов обо всем, что составители этой анкеты сочли важным для данного события. Очень актуален, например, вопрос, каким по счету ребенком в семье была сама роженица.

Перенести анкетирование на потом удается лишь тем, кому уже невмоготу и кто, собрав руками вниз переднюю и заднюю часть подола юбки (не упустить бы на пол драгоценное!), покрикивая всякое, лихорадочно ищет глазами, куда бы лечь. Этих допрашивать бесполезно. Их допросят позже или разберутся с родственниками. Тех, которые родили в дороге, в лифте или случайно, не дождавшись «скорой», дома, все же «описывают» по ходу следующих мероприятий.

Да! С собой нужно иметь паспорт и направление из женской консультации. Это святое! И все женщины, зная об этом, носят их с собой, куда бы ни шли, уже где-то за месяц до предполагаемого счастливого дня.

Но бывают несознательные личности, которые умудряются в тот самый день выйти с другой сумочкой. Вот студентка Ириша, например. Этот белокурый, кудрявый, когда-то стройный, но теперь пузатенький ангел был

запуган персоналом примерно такими фразами: «Знаем мы вас, молодых! Забыла! Мы таких уже видели! Ни тебе имени, ни прописки, ни направления, а потом — шашть! А стране — подарочек!»

Муж в приемном покое уверял, что не собирается делать подарочки стране, Ириша плакала то ли от боли, то ли от обиды, а процесс шел своим чередом. Записали все со слов, поставили в карточке большой вопросительный знак карандашом, а Иришу отвели в предродовую палату на втором этаже, но поглядывали строго.

Кстати, чтобы вы случайно не подумали, что в это заведение можно было попасть в том, в чем вам бы хотелось, расскажу о форме одежды. Не без вздоха, содрогания, безгливости и смеха сквозь слезы.

Мало кто ложится сюда заранее. А тем, кому «припекло», по большому счету не до нарядов, лишь бы скорее да благополучненько... Но обряд переодевания — это тоже святое! Все свое нестерильное и порочно-домашнее оставляется родственникам или в «хранильном шкафчике».

Взамен выдают:

— тапки-шлепанцы, якобы кожаные, якобы прошедшие санобработку, огромные;

— косынка-треугольник х/б на голову;

— рубашка ночная х/б, безразмерная (страшная);

— халат, когда-то байковый, цвета когда-то веселого, без пуговиц, то есть запахивающийся, но и без пояса.

На наивный вопрос о поясе ответ медперсонала неопытным: «А шоб не повесилась на ем сдуру в туалете! Знаем мы всякие случаи!» На вопрос — «А как же?..» следует ответ: «А ручками придерживай, милая!»

Может, кто и не заметил, но трусов в этом списке нет. И не потому, что у роженицы есть свои. Свои брать нельзя ни в коем случае! Что уж отвечают на вопрос по этому

поводу, не скажу, но явно что-то не менее аргументированное и однозначное. Трусы — это то вожденное, что втихаря тебе передадут родные на следующий день после родов, замаскировав их под бутерброд, пачку печенья или еще бог знает что.

Но это потом. А пока — очередная малоприятная необходимость — очищение большой клизмой и... (ой, мамочки!) бритье... Сразу вспоминается анекдот, как Абрам брил Сару, которой стало пора... Он ей говорит: «Сара, сделай вот так! (и показывает ртом)». Как бы это объяснить-то словами? Хотя мужчины, бреющиеся каждое утро перед зеркалом, должны бы понять, что нужно сделать, чтобы получше выбрить сначала одну щеку, потом другую, только вряд ли это Саре удалось... Зато нашему младшему медперсоналу с их тупыми многолезвийными «Нева» вполне удавалось. Хотя было одно ухищрение и с противоположной стороны — не доставить им такого удовольствия, управившись с этим дома до того.

У всех по-разному

Следующий этап — предродовая палата. В ней одно окно и четыре кровати, здесь обычно не задерживаются. Напротив через коридор — родзал, который пока страшная тайна... Ириша лежит тихонько, орать стесняется. Постановляет, когда невмоготу терпеть. Яблоки ест, когда легчает. Книжку читает английскую время от времени. Нянечка бурчит: «Грамотные больно стали! Рожать пришли, а гляди — книжки не наши читают. Ты, милая, так неделю не разродишься, потому что не про то думаешь!»

Рядом не на шутку орет еще одно чудо природы — молодая, экстравагантного вида даже в стандартном мин-

здоровском халате, ярко-рыжая, с потрясающим маникюром «первородка», как здесь говорят. К ней то и дело подбегают врачи или акушерки, что-то дают выпить, что-то колют.

— Че орешь-то так? Что тебе, хуже всех, что ли? — постанывая, спрашивает Ириша.

— Нет, не хуже, наверное, — подмигивая, отвечает Анжела, — просто меня подружки научили: кто больше орет, тому и внимания больше. И правы были. Видала?! А ты читай, читай, может, поумнеешь!

Ириша обиженно отворачивается к окну и трет кулаком поясницу — скорей бы... Интересно все же, кто будет — мальчик или девочка? Хотелось бы доченьку. Такую малюсенькую, ласковую и смешную — в чепчиках, кружевах и бантиках... Впрочем, мальчики — тоже интересный народ. Но это игрушка для папы — пойдут машинки, футбол, рыбалка... Единственное, что определили точно, — не двойня. (УЗИ было тогда невиданной редкостью. Для особо приближенных.) Со сроком наврали, конечно. Сказали, что в новогоднюю ночь как раз. А вот вам — еще 24 декабря только. Будто ей, студентке, нужен был этот их больничный?! Все бегала, сессию досрочно сдавала. А может, оно и к лучшему — есть надежда дома Новый год встретить. Подошла нянечка, принесла передачку — мандарины, бульончик и записочку. И сказала, что документы ее уже подвезли, пусть не волнуется. Она уже и забыла об этой обиде, зато на этаже, как получили документы, так и успокоились и вовсе подходить перестали. Съела мандаринку, потом вторую. Поспать бы... Но какой тут сон — схватки все чаще, а врач, осмотрев, говорит, что рано еще. Из палаты в открытую дверь видны большие круглые железные часы на стене в коридоре. Как-то слишком медленно движется на них минутная стрелка.

Анжелу после стимуляции прижало так, что, взыв не своим гласом (такого уже не подделаешь), она ухватила между ног подол рубашки и рванула на коридор. Там к ней кинулись акушерка и врач и увели в родзал. Вскоре, после суеты и душераздирающих животных криков, перемежающихся с вполне профессиональным человеческим матом, раздался писк новорожденного. Старушка-нянечка (местное радио) сообщила, что родился мальчик.

В палате появилась новенькая. Невысокая толстушка (там поначалу все толстушки) восточного типа. Познакомились. Армянка. Зовут Армида. Эта не лежала. Все ходила из угла в угол. Говорила — ей так легче терпеть, да и ребеночек скорее опускается. Только во время схваток замирала возле металлической спинки кровати, нагибалась к ней лбом, вцеплялась руками и стонала-бормотала по-своему. Подходили к ней тоже довольно часто. Обращались внимательно, заботливо. Не прошло и двух часов, как Армида родила девочку.

В предродовую никто не возвращался. Отмучавшихся, но счастливых мамаш через некоторое время увозили на каталке в послеродовую — большую-большую и многолюдную палату в конце коридора. А деток по какому-то оригинальному решению сразу же, едва показав родительницам, измерив и описав, уносили неизвестно куда и зачем. Ириша тоже стала ходить — лежать-то уже надоело, может, и правда процесс быстрее пойдет?

Вечерело. Она ходила по длинному широкому коридору, останавливаясь во время схваток, стискивая зубы и держась за живот. Когда отпускало, брела дальше, с любопытством первоклашки разглядывала все вокруг — таких же, как сама, беременных и уже родивших, которые

еле бредут в сторону туалета, придерживая живот одной рукой, а халат — другой.

В торце коридора — большое окно. Там давно неподвижно стоит женщина, уткнувшись в стекло лбом и глядя на улицу. Ириша подошла к ней. На улице — никого, только снег да темный вечер. Постояла рядом. Взглянула на женщину. По лицу ее текли слезы.

— Что, очень больно? — спросила сочувственно Ириша. — Давно уже здесь?

— Два дня.

— И что — до сих пор никак?! — удивилась Ириша, прикидывая, что ее мучения тоже могут затянуться, зря она не послушала Анжелу.

— Да нет, все уже позади.

— Ой, так что же вы плачете? — спросила на «вы», потому что женщина показалась ей намного старше.

— Умер мой ребеночек. Задушили пуповиной, пока тянули, — прошептала женщина, и опять по ее лицу потекли слезы. — А теперь вот молоко прибывает... И зачем оно мне? Вряд ли будет у меня еще шанс, года не те. — Женщина всхлипнула и ушла в маленькую палату, крайнюю по коридору.

У Ириши ком подкатился к горлу от этих слов, и она похолодела от ужаса перед предстоящим. Смерть, как близкая реальность, как возможная спутница рождения, конец — неизбежность начала... Две крайние точки отрезка неизвестной пока длины. Страшно! Холодно... Одиноко... Хочется домой, к родным и любящим людям!

Повторились схватки, она вцепилась в подоконник пальцами и сжала зубы. Присела и заплакала от бессилия, боли и усталости. Так жалко себя... Через несколько минут отпустило. Придерживая живот, Ириша по-

брела к предродовой с непреодолимым желанием лечь и заснуть, если уж домой никак нельзя. Заглянула в открытую дверь родзала — «Господи, что же они так кричат?!» Оттуда навстречу ей выбежала санитарка с эмалированным судочком в форме почки в руках. В нем было что-то ужасное — темно-красного цвета, мокрое и блестящее...

«Боже! Печень!» — ужаснулась Ириша. Ей стало совсем страшно.

Страшно ей было давно, как и всем, наверное, в первый раз, но сейчас ее охватил животный ужас. За этой широкой двойной дверью с выкрашенными белой краской стеклами творилось что-то необъяснимое.

Как могла быстро, дошла она до своей кровати и легла-притихла в плену своих мыслей, только шептала:

— Ребенок мой! Деточка! Хоть бы уж скорее, и жива-здорова...

Но тут же отвлеклась от жутких мыслей — в палате опять пополнение. Новенькая была постарше ее, лет двадцати семи. Врачи говорили о крупном плоде, предлагали кесарево сечение. Та отказалась.

— Не могу я лежать долго после операции, мне помогать некому, муж сутками на работе, а еще дочка есть, четыре годика, расстроилась, что я завтра не смогу в садик на утренник новогодний прийти... Мне надо рожать естественным путем. Эх, дура, и что ж я сдобу-то так трескала?! Но уж очень хотелось! — развела руками новенькая.

Ольга, так ее звали, тоже долго не залежалась. Вторые роды, говорят, всегда скорее (в этот момент Ириша клялась всеми святыми, что с нее хватит и первых на всю оставшуюся жизнь). Примерно через час Ольгу увели в родзал. Орала она ужасно. Врачи суетились и нервничали.